



Борис ЧИРКОВ.

КОГДА мы впервые позвонили Борису Петровичу Чиркову, нам сказали, что он еще не возвратился из гастрольной поездки. Через несколько дней Борис Петрович передал по телефону нашему корреспонденту, что в встрече с читателями «Гудка» относится вполне одобрительно, вот только как насчет времени...
Наконец долгожданный разговор состоялся. В гудковском купе — народный артист СССР Б. П. ЧИРКОВ. Его доброжелательная улыбка сразу же снимает с беседы налет какой бы то ни было официальности. Его манера отвечать на вопросы, апеллируя к чувству юмора своих собеседников, вовсе не мешает понять серьезность сказанного.

СВИДАНИЕ С МАКСИМОМ

ный выборщик», мы изучали среду, о которой хотели рассказать, манеру молодых рабочих говорить, держаться, действовать. Но главное, видимо, в другом. Мы сами были представителями поколения, которое все силы души отдавало борьбе со старым миром и строительству новой жизни. Для нас жить общими, общественными интересами было естественным, само собой, подразумевалось. В Максиме сконцентрировались черты революционера, борца, строителя. Это была не просто роль, это было осмысление перемен, происшедших в обществе, осмысление процессов и обстоятельств, которые вывели таких людей, как Максим, на сцену истории...

— Какие из ваших работ тесно связаны с Максимом, отмечены тем же стремлением показать характерные черты героя нового времени?

— Назову главного героя фильма «Учитель». Он тоже несет в жизнь редкую целеустремленность, страсть борьбы со старым, отживающим, уходящим в прошлое. С большим удовольствием снимался в фильме «Киевлянка», где сыграл старого, потомственного рабочего. Во время работы над этой картиной много бывал на заводах, эти встречи, разговоры очень помогли мне. Я каждый раз убеждался, как велики изменения в характере и облике рабочего по сравнению с тем временем, когда снималась трилогия о Максиме. Вырос

уровень знаний, расширился круг интересов и стремлений.

— Как бы вы еще продолжили перечень наиболее интересных вам, наиболее — с вашей точки зрения — удавшихся ролей?

— Заглавная роль в тургеневском «Нахлебнике». По собственному ощущению, это большая моя удача. Здесь хотелось показать, насколько глубока драма попорченного человеческого достоинства, драма, рожденная определенными социальными условиями...

— Не нужно путать любимую роль с любимым героем. Давно известно, что в искусстве положительный нравственный идеал может утверждаться и через показ явлений и характеров резко отрицательных. Пример тому мои роли: Махно в кинофильме «Александр Пархоменко» и на сцене — Распутин.

— Недавно наш театр, театр имени Гоголя был в Тюмени. Представляете, как реагировали зрители, когда в спектакле «Заговор императрицы» Распутин произносил: «Уеду, паршивцы, в Тобольск!». Он ведь из тамошних мест...

— Вы говорили о зрителе. Как он менялся за время вашей артистической жизни?

— Сложный вопрос... Отвечу на него чисто субъективно. Во времена моей молодости человек входил в театр с трепетом. Сейчас этого трепета не чувствуется. Кинематограф, радио, телевидение сделали искусство доступным и, если можно так выразиться, при-



вычным для широчайшего круга людей. Удивлять стало труднее, но это вовсе не значит, что исчезла сила искусства — если оно обогащено большой гражданственной мыслью, если оно отвечает на острые вопросы времени, ему удается завоевать аудиторию.

— А часто ли вам удается быть зрителем, то есть оценивать со стороны работу своих коллег по искусству? Есть ли у вас свои зрительские привязанности?

— Привязанности есть, и очень сильные, хотя времени на посещение театров и кино катастрофически не хватает... Я влюблен в Ленинградский Большой драматический театр под руководством Товстоногова. Это коллектив не только высочайшего профессионализма, но и предельно четкой политической позиции. Не знаю, как кого, а меня до глубины души взволновал спектакль «Правду! Ничего, кроме правды!». Взволновал революционным пафосом, злободневностью, хотя речь идет о событиях полувекковой давности.

— Мои киновпечатления? Плотников в роли Ниточкина в фильме «Твой современник» — едва ли не лучшая актерская киноработа последних лет. Очень понравились фильмы «Не горюй!» и «Белое солнце пустыни». В последней картине виртуозно сыграл Анатолий Кузнецов... Смотрели грузинскую телевизионную ленту «Кувшин»? Это редкий дар умения превратить житейский случай, почти анекдот в произведение высокого искусства.

— Можно ли назвать вас активным телезрителем?

— По телевизору смотрю в

основном спорт. Люблю разного рода беседы, дискуссии, в общем разговор телевидения с аудиторией, хотя здесь удовлетворение получаешь реже, чем хотелось бы. Наверное, все зависит от того, кто приглашен в телестудию.

— Ваши личные отношения со спортом?

— Сейчас болельщик. А раньше занимался футболом, лыжами, греблей на байдарке...

— Но назвать вас просто болельщиком трудно? Вы возглавляете федерацию кино союзного Комитета по физической культуре и спорту...

— Да, лет пятнадцать назад, когда образовалась федерация, мне предложили занять эту должность на общественных началах. Наверное, было нужно актерское имя. Для представителя... Ну, а всерьез — дело очень нужное и очень полезное. У нас любят спорт, но это совсем не значит, что его не нужно настойчиво, систематически пропагандировать. И кое-что нашей федерацией сделано. Во всех союзных республиках выпускаются теперь спортивные киножурналы. Стало больше игровых фильмов о спорте и спортсменах. Хотя один-два в год, но есть. Конечно, не всегда удовлетворяет их качество, но прорудившийся интерес кинематографа к спортивной тематике налицо. Уже проведено два всесоюзных фестивалей спортивных фильмов, третий, в Риге, состоится в ближайшее время. Зрительные залы во время наших смотров набиты битком... Выходим на международную арену. Документальный фильм «Натали» — о Наталье Кучинской — завоевал первый приз на фестивале в Оберхаузене, а это представительное творческое соревнование.

— Ваши ближайшие планы? — Сейчас наш театр репетирует новую пьесу Евгения Габриловича. Произведение это касается сложной современной проблематики. Драматург и театр хотят показать, что такое подлинное понимание партийного долга. Исполню в спектакле одну из ролей. Говорить больше не стоит — постановка в работе.
Ну, и пробую свои силы в режиссуре. Накопился кое-какой опыт, хочется передать его новому поколению актеров. Готовим спектакль «Как поживаешь, Зося!» — о минувшей войне, о том, как ее раны до сей поры еще и болят и сказываются на человеческих характерах и судьбах. Я убежден, что искусство должно возвращаться к военной, условно говоря, теме. Ведь часто в зрительный зал приходят совсем молодые люди. Для них война — глубокая история. А они должны знать, чем жили, какие жертвы принесли, как боролись за будущее их отцы.

— Время нашей встречи подходит к концу. Борис Петрович, что бы вам хотелось сыграть как актеру и поставить как режиссеру?

— Сыграть? Льва Николаевича Толстого в последние годы его жизни. Это трагедия, более масштабная, чем трагедия шекспировского короля Лира, ибо речь идет о логичном завершении многолетнего, глубокого конфликта гения (подчеркну это: гения) с окружающей его средой, с обществом его времени. Для воплощения этой трагедии нужен экран, кинематографический или телевизионный.

Ну, а что касается режиссуры... Хотелось бы поставить яркую, веселую, жизнерадостную комедию.

— Ваши ближайшие планы?

— Сейчас наш театр репетирует новую пьесу Евгения Габриловича. Произведение это касается сложной современной проблематики. Драматург и театр хотят показать, что такое подлинное понимание партийного долга. Исполню в спектакле одну из ролей. Говорить больше не стоит — постановка в работе.

Ну, и пробую свои силы в режиссуре. Накопился кое-какой опыт, хочется передать его новому поколению актеров. Готовим спектакль «Как поживаешь, Зося!» — о минувшей войне, о том, как ее раны до сей поры еще и болят и сказываются на человеческих характерах и судьбах. Я убежден, что искусство должно возвращаться к военной, условно говоря, теме. Ведь часто в зрительный зал приходят совсем молодые люди. Для них война — глубокая история. А они должны знать, чем жили, какие жертвы принесли, как боролись за будущее их отцы.

— Время нашей встречи подходит к концу. Борис Петрович, что бы вам хотелось сыграть как актеру и поставить как режиссеру?

— Сыграть? Льва Николаевича Толстого в последние годы его жизни. Это трагедия, более масштабная, чем трагедия шекспировского короля Лира, ибо речь идет о логичном завершении многолетнего, глубокого конфликта гения (подчеркну это: гения) с окружающей его средой, с обществом его времени. Для воплощения этой трагедии нужен экран, кинематографический или телевизионный.

Ну, а что касается режиссуры... Хотелось бы поставить яркую, веселую, жизнерадостную комедию.

За свою жизнь в искусстве Борис Петрович Чирков получил огромное число писем зрителей. Ему писали о том, как рядом с бойцами и строителями становились его герои, и первый среди них — легендарный Максим, человек нового времени, живое воплощение страсти, одухотворенности, оптимизма великой Революции. Идут годы, но и в полученном совсем недавно письме есть строка, напоминающая о могучем взлете актерской биографии: «Нам нужен Максим!».

Людам нужно и всегда будет нужно искусство, оплодотворенное высокими идеалами времени, призывающее к гражданственности, постижению и революционному переустройству мира, искусство, которому вот уже почти полвека с вдохновенным художником и терпеливой настойчивостью труженика служит замечательный советский артист и обаятельный человек Борис Петрович Чирков.

Беседу в гудковском купе вела Н. БАРАШКОВА.